
ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

РАЦИОНАЛИЗМ И ПОСТМОДЕРНИЗМ

В.М. Найдыш

Кафедра онтологии и теории познания
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются установки постмодернизма, связанные с многообразием типов рациональности. Эти установки не отрицают рациональность как всеобщую способность человеческой мысли осваивать внутренние, качественно многообразные структурные связи и отношения бытия. Всеобщая рациональность существует постольку, поскольку само бытие неизбежно структурировано. Постмодернизм редуцирует философию к нефилософским формам культуры. Это придает ему черты квазифилософии.

Ключевые слова: рационализм, постмодернизм, структурализм, историзм.

В последние два-три десятилетия в философском контексте идеологических, культурологических, искусствоведческих, религиоведческих и других дискуссий на первое место выдвигается проблема рационализма.

Содержание и смысл рационализма в истории культуры стали ареной теоретических и идеологических противостояний, предметом ожесточенной полемики, полем идейной борьбы различных школ и направлений современного социально-гуманитарного познания. И вот уже сильны настроения по изгнанию духа рационализма из культуры и философии. Стали популярными заявления о том, что рационализм обрек культуру и науку конца XX — начала XXI в. на самоизоляцию, на утопические поиски окончательных оснований («начал»), четких междисциплинарных границ и «единственно верных» мировоззренческих ориентаций, т.е. того, что является мнимой ценностью и не может существовать по самой своей сути. В очередной раз возникают вопросы о «смерти культуры», «пагубной роли рационализма в культуре», раздаются призывы освободить сознание от «универсально-всеобщих идеалов» («обычаев-деспотов») века Модерна, в том числе и от его фундамента — идеалов рационализма.

Более того, проблема рациональности вышла за рамки философско-теоретического дискурса и превратилась в источник экзистенциальных опасений, тревог и озабоченностей. В средствах массовой информации немало витийствований о на-

ступлении трудных испытаний для рационалистического мировоззрения, для науки; все чаще звучат заявления о том, что в XXI в. идеалы рациональности несовместимы с гарантиями будущего цивилизации. Рационализм стал осознаваться частью тех кризисных обстоятельств, которые способствуют устранению человечества с лица планеты, его вырождению и гибели.

Во главе такого антирационалистического движения находится постмодернизм, претендующий на роль теории философского сомнения в прочности идеалов культуры, ее абсолютов. Постмодернистская критика рационализма выросла из критики методологии и онтологии (преимущественно французского) структурализма, центральным понятием которого являлось понятие структуры.

В структурализме предполагается, что система задается прежде всего ее структурой, т.е. устойчивыми закономерными связями между элементами системы. Выявление структурных отношений системы силой разума предполагает абстрагирование от субстратной стороны объекта, от конкретного содержания его элементов. Такая абстрактная структура поддается выражению формализованными средствами (в том числе математики, логики и др.), которые остаются инвариантными при некоторых преобразованиях. Типы таких преобразований задают границы возможных трансформаций системы, варианты ее структуры. С точки зрения структуралистского метода именно такого рода преобразования являются главным предметом научного познания при исследовании сложных системных объектов.

Французский структурализм придавал методу структурализма онтологический смысл — постулировал тождество универсальных структур мышления и универсальных структур бытия. Именно этот тезис в первую очередь был поставлен под сомнение основоположниками постмодернизма.

Чем является универсальная структура мышления, неким Пра-кодом или неким источником любых всевозможных конфигураций, неким «серийным мышлением», способным производить открытые поливалентные структуры в сфере духовности — в науке, искусстве, живописи, романе, поэзии, театре и др.? Для того чтобы обосновать тождество универсальных структур мышления и универсальных структур бытия, нужно выявить, как структура соотносится с ее Отсутствием, как структура открывается по мере ее прогрессирующего исчезновения. Это значит, что «естественным завершением всякого последовательного структуралистского начинания явится умерщвление самой идеи структуры. И всякий поиск констант, желающий называться структурным исследованием и рискующий быть таковым, заранее обречен на провал, грозит обернуться мистификацией, утешительной попыткой выдать неполноту на исчерпанность, очередной ход в игре — за последний» [1. С. 328]. Из этого уже следовал непосредственно постмодернистский вывод (явно сформулированный и Дерридой, и Фуко и др.) о том, что структурность — это лишь проявление бытия, но не его основа, а значит, и никакой универсальной рациональности не существует, рациональность — это не абсолют культуры. Формы духа — это всего лишь формы игры, «разного рода утешительные безделушки, вроде Науки, Метода, Культуры» [1. С. 361], где выбор определяется не объективными критериями, а эмоциональными пристрастиями к тем или иным смыслам, в которых человек способен находить утешение. Из всего этого следо-

вал практический вывод — человек должен вести себя так, как если бы структурированность бытия отсутствовала.

С точки зрения постмодернизма в эпоху Модерна не было осознания Отсутствия структуры, и потому она пронизана идеалами всеобщей структурной организованности, духом рационализма, рационалистического критицизма, поисками всеобщих оснований, сомнениями, атмосферой сопротивления всему тому, что не прошло через «горнило Разума». Рационализм Модерна ответственен и за социальный утопизм — за то, что статус будущего здесь оценивался весьма оптимистически: он был выше статуса настоящего, с которым были связаны лишь пессимистические оценки.

С точки зрения постмодернизма, рационализм эпохи Модерна — это доведение до крайности идеи преобразовательной активности субъекта. Того субъекта, который вступил в непримиримый конфликт с природой, сковал искусственными пределами ее эволюцию, ограничил историю социума и пространство человеческой свободы, наращиванием своей активности ведет цивилизацию к гибели. Идеологи постмодерна считают, что идеал тотальной рациональности не соответствует духу гуманизма. По их мнению, абсолютизация рационализма несет с собой дегуманизацию личности, является источником глобальных опасностей, рисков, угроз человечеству.

Постмодернизм не устает повторять, что нет никакой единственной для всех времен и народов рациональности. У проблемы рациональности нет никакого метафизического, общеобязательного и общеприемлемого решения. С точки зрения постмодернизма, наступило время отказаться от претензий на выработку вообще какой-либо универсальной парадигмы рациональности. Такой парадигмы нет и быть не может. В каждую историческую эпоху складывалась своя особенная парадигма рациональности. Нет рациональности как таковой, есть множество не связанных между собой рациональностей, как их понимают члены того или иного конкретного социального сообщества. Рациональность — это всего лишь рефлексия над языком (в простейшей форме — над естественным языком, в более сложных формах — над языками науки, искусства, религии и др.). А философское (и научное) знание — это лишь вид дискурса, потому философствование может быть только деконструкционистским (Фуко, Деррида, Лиотар, Рорти, Бодрийар и др.).

Для постмодернизма свойственно пренебрежение логикой, рационализмом, плюрализм и мозаичность моделей мира, ироничность по отношению ко всему, что происходит в мире, неопределенность, неуверенность и двусмысленность во всем, что касается абсолютов культуры. Постмодернизм подменяет науку наукообразностью, где не требуется строгость, точность, предсказуемость, доказательность. Ведь ничего нового уже не может быть создано, все истины уже получены и все ошибки уже совершены. И потому легче всего скользить по поверхности, не стремиться докопаться до корней, вырабатывать какую-то оригинальную новую позицию. И вообще — направить свою активность не на целенаправленную, требующую особых интеллектуальных усилий деятельность, а на бессодержательную, зато развлекающую игру.

Рациональность — это феномен сознания, невозможный, с одной стороны, без фантазии, интуиции, воображения; а с другой — без аналитичности, дискурсивности, упорядоченности, систематизированности, нормативности. Поэтому любое выдающееся рациональное (научное, философское) открытие всегда разрушает устоявшиеся каноны и вырабатывает новые, которые также рано или поздно в ходе истории обязательно будут разрушены; и потому *история разума неуловима*.

Таким образом, у постмодернизма (как философского направления антифундаменталистского авангардизма) критика рационализма оборачивается апологией антиисторизма. Пытаясь выявить и обобщить специфические черты современной эпохи, постмодернизм по сути противопоставляет их логике истории, историзму культуры.

Как можно определить и оценить «рациональное зерно» постмодернизма и его принципиальные слабости?

Постмодернизм указывает на многообразие типов рационализма. Это справедливый тезис. Типов рационализма действительно много, но это не значит, что они оторваны друг от друга, противостоят друг другу, не связаны между собой никакими закономерными и необходимыми связями. Как раз наоборот. Все типы рациональности преемственны друг по отношению к другу. Другое дело, что переходы между ними представлены *качественно различными* типами связей и отношений. Поэтому и характер преемственности между различными типами рациональности качественно различен. А переход к освоению новых типов рациональности требует формирования, выработки новых типов сознания, для чего иногда нужна целая эпоха в истории культуры.

Таким образом, само по себе многообразие типов рациональности не отрицает *рациональность как всеобщую способность человеческой мысли осваивать внутреннее, качественно многообразные структурные связи и отношения бытия*.

Всеобщая рациональность существует постольку, поскольку само бытие неизбежно структурировано. Бытие структурировано по крайней мере в пределах нашей Вселенной. Неструктурированная Вселенная невозможна; неструктурированное, хаотическое бытие — это исчезновение Вселенной.

Если мир есть «система систем», то вместе с тем он является и «структурой структур», иерархическим многообразием структур.

Для отражения каждого типа структурной организации сознанием субъекта необходимо формирование определенного типа рациональности. Поэтому система культуры представляет собой напластование исторических типов рациональности. При этом ее исторические пласты никогда не исчезают полностью и навсегда.

Низшие, более ранние исторические формы сознания и соответствующие им типы рациональности не исчезают, а становятся подчиненным, снятым моментом более высоких форм сознания, типов рациональности, изменяя при этом, разумеется, свои функции и подчиняясь целям более высокой системы. Отрицая преемственность типов рациональности, постмодернизм возводит препятствие для понимания того, что структура *не* Отсутствует.

Итак, структурность бытия и историзм культуры теснейшим образом связаны между собой. Но историзм — это не только ключ к познанию структурности бытия, но и способ бытия, жизнедеятельности самой культуры.

В наше время все более отчетливо проявляет себя важная закономерность — каждый новый важный шаг культурного творчества осуществляется при условии не только освоения новейших достижений культуры, но и усвоении глубинных исторических пластов культуры, широкого синтеза истории культуры и ее современности.

История культуры во все больших масштабах вовлекается в культуротворчество нашего времени, становится его непосредственной предпосылкой. Глубинные пласты культуры не остались в прошлом, а в виде различных идей, смыслов, образов, процессов и тенденций обогащают современное состояние, развитие культуры, воспроизводятся в нем (соответственно трансформируясь). Мы все больше ощущаем, что история не осталась в прошлом, она живет в настоящем и вместе с настоящим определяет будущее.

Историческое развитие культуры — это не только расширение ее содержания, обогащение новыми элементами, компонентами, продуктами творческой деятельности, но и установление новых внутренних связей ее исторических пластов, кристаллизация ее структуры, укрепление, рационализация ее внутренней целостности и организации. Это относится как к культуре в целом, так и к отдельным ее отраслям.

Вместе с тем постмодернизм как некоторое духовное движение антифундаменталистского авангардизма не склонен связывать навязываемую им критику рационализма с анализом глубинных исторических пластов духовности, в том числе с анализом исторических типов рациональности, преемственно сменяющих друг друга. Постмодернизм обращается к анализу специфических черт современной культуры, эпохи постмодерна, по сути противопоставляя их логике истории путем игнорирования преемственности исторических типов рациональности. И потому не замечает того, что многие формы современного иррационализма по существу являются реанимированным и модернизированным пережитком первобытного мифологизма и мистицизма. Более того, постмодернизм берет на себя функцию редуцирования философии к нефилософским формам культуры. Это придает постмодернизму черты квазифилософии.

Современная духовная культура — сложное динамичное образование. Ее интенсивная динамика порождает не только «классические» синтезы, но и достаточно устойчивые формообразования особого рода. В них интегрируются компоненты из таких подсистем духовной и материальной культуры, которые обычно рассматривались как весьма далекие и совершенно чуждые друг другу (наука и мифология; наука и религия; наука и обыденное сознание; философия и мифология; искусство и материальные, технические вещи, в том числе и исчерпавшие свой срок годности продукты материального производства; наука и мораль и др.).

В ходе такой интеграции существенно модифицируются признаки исходных, базовых форм сознания, происходит утеря их определяющих функций.

«Новорожденные» формы сознания по сравнению с их базовыми аналогами характеризуются иной функциональной направленностью, иной структурой, иным содержанием и новой, не всегда очевидной, ролью в духовной культуре.

Культурные смыслы проявления таких формообразований также далеко не всегда очевидны; их прояснение предполагает серьезный теоретический анализ. Можно сказать, что в недрах современной духовной культуры формируются некие «духовные кентавры», представляющие рефлексирующему сознанию в качестве квазиформ ее основных компонентов — т.е. «якобы наука», но по сути это совсем не наука; «якобы мораль», но на самом деле это уже не вполне мораль; «якобы искусство», но его отношение к искусству весьма проблематично и т.д.

Какие процессы в духовной культуре порождают ее квазиформы? Чем дифференцированное становится по мере своего развития некоторая система духовного освоения мира, чем сложнее ее структурная организация, опосредованнее основания и конечные результаты, разнообразнее составляющие ее элементы (образы, представления, понятия, логические структуры и др.), связи с другими системами духовного освоения мира (компонентами духовной культуры, формами общественного сознания), тем в большей мере переплетаются в ней существенное и несущественное, основанное и обоснованное, субстанциональные и «превращенные» формы, причем переплетаются настолько сложно, что соблюдение базовых условий, канонов функционирования исходной системы становится уделом высочайшего профессионализма.

Иногда отличить исходную форму от ее квазиформы непросто. (Так, в частности, обыденное сознание нередко попросту не различает их.) Это порождает массу проблем вокруг вопросов об их демаркации; о тенденциях будущей эволюции; о том, чего больше в квазиформе — признаков разложения, изживания старой формы или зарождения нового типа культуры; о функциях квазиформ и т.д.

Рассмотрим детальнее черты некоторых квазиформ современной духовной культуры. Начнем с морали.

В современную эпоху квазиморальные формы складываются там, где сферу нравственных отношений пытаются «обогащать» такими новыми поведенческими нормами, которые лишь на первый взгляд носят черты моральной регуляции. На самом деле в них аккумулируются традиции, нацеленные не на укрепление норм общечеловеческого непосредственно-жизненного общения людей, а на реализацию частных, корпоративных интересов. Такая ситуация имеет место при формировании кодексов общения членов разного рода тайных союзов, сект, объединений по сомнительным интересам, преступных организованных групп, политических партий закрытого (заговорщического) типа, закрытых властных структур, террористических организаций и др.

Используя «механизмы» морального эпатирования, основоположники таких «корпораций» закладывают в кодексы поведения их членов такие идеалы, которые не укрепляют моральные нормы, способы общечеловеческого общения, а, наоборот, их разрушают (например, «моральное» обоснование терроризма и массовых самоубийств). Такой узкокорпоративный «моральный кодекс» — это некая форма «квазиморали», выполняющая не функцию всеобщего регулятора общения людей, а иные функции — политические, религиозные, конфессиональные, клановые и пр. Недавно развернувшаяся в обществе дискуссия о запрете «гей-парадов» вскрыла еще один аспект проблемы квазиморали. Сторонники безграничной свободы «все-

го и вся» не понимают (либо делают вид, что не понимают), что речь здесь идет не просто о свободе личности и ее поведения. По сути здесь речь о других и, по-видимому, гораздо более серьезных вещах. Представители сексуальных меньшинств обладают своей особой системой девиантных («альтернативных» общечеловеческим) моральных ценностей, норм межличностных отношений, отношений к обществу, своеобразными психофизическими реакциями и др. Основания такое девиантности дремлют в генетической основе человеке, в ее рецессивной составляющей.

Стремление использовать активность и сплоченность групп своих сторонников для навязывания обществу девиантных моральных ценностей в качестве по меньшей мере равноправных с общечеловеческой моралью, а может быть и доминирующих, вовсе не так безобидно, как это может показаться на первый взгляд.

Стремление сделать мораль сексуальных меньшинств морально-культурным «мэйнстримом» — это путь к перекодировке традиционных моральных норм общества, созданию наряду с цивилизацией нормально ориентированных людей альтернативной цивилизации некоего подвида *homo sapiens*. А это чревато опасными (включая сюда и внутривидовую борьбу за существование и др.) и непредсказуемыми последствиями. По существу, мы имеем дело с подменой исторически сложившейся общественной системы морали девиантным квазиморальным суррогатом, претендующим на магистральные роли в культуре и тем самым разрушающим основания нашей цивилизации.

Весьма податливо для разного рода квазитрансформаций религиозное сознание. История еретических и сектантских движений параллельна истории мировых и национальных религий. Тем больше условий для трансформации религиозного сознания в настоящее время — время господства массового сознания. Как пишет А. Генис, «массовое общество породило не только свое искусство — поп-арт, но и свою поп-религию. От неоязычества до “научной” религии, от восточного мистицизма до волшебных исцелителей, от телепатов до пришельцев — поп-религия включает в себя все, что стремится уйти от монополии рационализма. Это ответ “фантастики” “детективу”, подсознательный протест нашего века против механической Вселенной, против до конца объясненного мира, против жизни без тайн... Кризис рационализма... оставил нас в подвешенном состоянии. Вера же, как гравитация, придает жизни вес и вектор. Вот мы и мечемся в неосознанных поисках религии, норовя обнаружить под каждой маской теологическую проблему» [2. С. 64].

Многие объединения, созданные под религиозными знаменами, покидают почву собственно религиозного сознания и выполняют отнюдь не религиозные функции, т.е. они вовсе не нацелены на поиск форм гармонизации способов переживания человеком его связей с природной и социальной средой (на основе представления о существовании сверхъестественных сил).

В действительности они выполняют совершенно иные задачи — политические, регулятивные, властные, волевые и пр. История религий дает нам массу примеров «перерождения» религиозных сект в политические группы или преступно-уголовные объединения и наоборот. Грани здесь весьма и весьма условны.

В настоящее время популярной является тема квазиполитики. В политической идеологии осознание материальных интересов отдельных социальных групп никогда не исчерпывает всего богатства и изменчивости реального содержания этих потребностей и интересов. На этой основе легко мифологизируются и дерационализируются цели и пути политических движений. Наиболее распространенной формой квазиполитического сознания являются социально-политические утопии, в которых реальная сеть общественных связей и отношений искажается в угоду той или иной социально-философской доктрине. Одна из форм квазиполитики — «парapolитика», т.е. закулисное сплетение и соперничество классовых интересов, интриги, непрозрачность в политике, непрозрачная часть политического процесса, не сводящаяся к институтам демократии, парламентаризму, гражданского общества.

Парapolитика — это активность непрозрачных для массового политического сознания тайных пластов, структур внутри политического процесса, когда за фасадом государственной политики вершится совершенно другая политика — тайная. Такая парapolитика мало предсказуема, она полностью зависит от расклада узкоэгоистических интересов различных социальных групп и классов. (В частности, парapolитика нередко была, а сейчас особенно тесно, связана с терроризмом.) При этом парapolитика нередко наделяет реальным существованием идеологические призраки, химеры.

Тенденция образования квазиформ духовной деятельности традиционно сильна в искусстве. Многие его модные течения явно несут на себе отпечаток утери определяющей функции искусства (воссоздание действительности в форме художественных образов, позволяющих обобщать и выражать опыт чувственно-эмоционального переживания человеком своего отношения к миру).

Внешние признаки искусства — стремление найти новые способы художественной образности, сопереживание художника и зрителя и др. — в квазиформах искусства могут сохраняться. Но при этом существенно изменяется его смысловая направленность — художественные образы служат не возвышающему личность «эстетическому парению над действительностью», а сугубо приземленным, утилитарным и узкогрупповым интересам.

Среди таких квазиформ духовной культуры, «духовных кентавров», особый интерес вызывает своеобразный синтез обыденного сознания и научного познания, которые сейчас, как правило, принято называть квазинаукой. Квазинаука — это такая форма духовной деятельности, которая, с одной стороны, претендует на статус науки, познавательной деятельности, широко используя при этом научную и рационалистическую терминологию; а с другой — сознательно или бессознательно отвергает нормы, стандарты, критерии и ценности научной деятельности, пытается опровергнуть проверенные практикой законы природы. Квазинаука многолика. Она выступает и в форме научных фальсификаций, и в виде разного рода пара (лже)научных построений, и в форме квазинаучных мифологий и т.д. [3].

И, наконец, о квазифилософии. Квазифилософией мы называем такую форму духовной деятельности, в которой выветривается дух рационализма и утрачивается способность выполнять роль рационального обоснования оснований культуры, способность быть рационально-теоретическим интегратором духовной культуры.

В этих случаях, как правило, широко муссируются слухи о «смерти культуры», к месту и не к месту возникают вопросы о «смерти философии», распространяются «выводы» об отсутствии у философии своего предмета, демаркационных границ между философией и нефилософскими формами культуры, необходимости растворения философско-категориального аппарата в понятийном аппарате других форм культуры — политики, морали, искусства, религии; маргинальные направления в культуре выдаются за магистральные и др. Все это характерно для постмодернизма, что позволяет отнести его к формам современной квазифилософии.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — СПб., 1998.
- [2] Генис А. Вавилонская башня. — М., 1997.
- [3] Найдыш В.М. О концептуальных основаниях единой теории мифа. Статья третья // Вестник РУДН. Серия «Философия». — 2007. — № 2. См. также: Наука и квазинаука. — М., 2008.

RATIONALISM AND POSTMODERNISM

V.M. Naydysh

Department of Ontology and Epistemology
Faculty of Humanities and Social Sciences
Russia Peoples' Friendship University
Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Postulated by postmodernism variety of types of rationality no denies rationality as a universal human ability to learn the inner, qualitatively diverse structural connections and relations of being. Universal rationality exists as far as being itself necessarily structured. Postmodernism reduces philosophy to the unphilosophical forms of culture.

Key words: rationalism, postmodernism, structuralism, historicism.